

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

Отд. №—85 коп., въ кіоскахъ жел. дор.—90 коп.

Вздорщик оказался неудобным: чуть ли не со дня приезда в город, «выданных дверей многою множеством, а въ жизнь мою до не выдала ихъ», писала Екатерина Гримм. «Прошло часа два, какъе чѣмъ я узнала дорогу къ себѣ въ кабинетъ». Мало того, до двора доносились изъ зала и испарения съ соседнихъ уличей, и, прежде всего, отъ обращеннаго въ придворную конюшню Коломажскаго двора, а это было, по замѣчанію Екатерины, «можетъ быть полезно отъ истерика, но вовсе неприято». Въ холодное время года — живущие во дворѣ кончатъ отъ стужи.

Неудобный, стужный дворъ былъ, однако, скоро оставленъ, и въ отъѣздъ государыни въ дворцовыхъ покоевъ нашла много карточныхъ столовъ и даже императорскій барометръ. Въ 1778 г. Пречистенскій дворецъ было приказано разобрать и перевести на Воробьевы горы.

На мѣстѣ этого двора стоитъ теперь домъ московскаго художественнаго общества, купленъ у жандармъ-мешетна князя С. М. Голицына, драгоценная картинная галерея котораго звалась въ свое время «московскимъ Эрмитажемъ» и въ 1886 г. была куплена за 800.000 руб. петербургскимъ Эрмитажемъ. Дворовый флигель голицынскаго дома съ церковною хорошо еще сохранился. Эта церковь служила какъ-бы промежутою Голицына: кто хотѣлъ его видѣть — отправлялся въ Голицынскую церковь въ обѣдъ, а послѣ службы шелъ въ княжескіе покои со своими дѣлами.

Разомъ съ этимъ домомъ-музеемъ — другой культурный уголокъ: старинное зданіе 18-го столѣтія, въ которомъ въ 1786 г. торжественно было открыто главное народное училище.

До постройки Храма Спасителя передъ этими домами разстлалась площадь, являвшая въ екатерининскую эпоху произвольнаго въ торжественные дни салютнаго выѣзда и стояла Алексѣевскій женскій монастырь съ оригинальнымъ двухъ-направленнымъ храмомъ, исследование котораго описывается историками русскаго зодчества.

По лѣви Пречистенскаго бульвара сбѣгала внизъ съ Арбатской площади стѣна Бѣлаго города, а у Пречистенскихъ — въ ту пору еще Черемныхъ — его ворота начинались царствование Бориса Годунова. У этихъ воротъ москвичи встрѣчали съ хлѣбомъ-солью, представляли въ Новодевичиную монастырь, Бориса и отъ нихъ ждалась торжественное шествіе цари въ Кремль.

Отъ бульвара начинается современная Пречистенка, уходящая въ прошлое улица московскаго чиновнаго и родовитого барства, когда-то чуть не вся построенная въ стилѣ Емпири. Здѣшнейшей вѣтвию поздне-емильианскаго стиля домъ штаба московскаго Іоанновскаго округа прежде принадлежалъ мелочному-железнодорожнику В. А. Всеволожскому. На его музыкальные квартиры по четвергамъ собирався въ началѣ прошлаго вѣка все московскіе зинты — выслушать игру музыкальных знаменитостей, охотно откликавшихся на зовъ цѣлаго богатаго общества.

Въ 1812 году домъ Всеволожскаго сгорѣлъ и цѣлые мѣсяцы стоялъ безъ потолка и перегородокъ, зашитыя досками, оббитыя

мрачными легендами. Позднѣ въ этомъ домѣ кончилось быто московскій хлѣбъ-кузбѣ, но скоро перешелъ въ другое помѣщеніе и домъ снова опустѣлъ до момента покупки его военнымъ вѣдомствомъ.

Напротивъ этого и помѣсть мрачнаго дома красуются одна изъ самыхъ живописнѣйшихъ барскихъ особняковъ старой дворцовой Москвы — бывшій домъ Хрущевыхъ, а теперь дворцовой прѣдѣлѣ имени Селезневыхъ. На громадномъ участкѣ земли, между двумя переулками, здѣсь стояла до пожара 1812 года усадьба князей Барятинскихъ съ большимъ садомъ и домомъ церковнаго Слеса Неруковорова, нынѣ ставшей пришкольною. Послѣ пожара несленно купилъ Хрущевъ и выстроилъ на всемъ существующемъ, едва-ли не столѣтнее уже деревянное зданіе — прекрасный образецъ стиля Емпири чисто-московскаго янтарнаго оттѣка.

Особенно красивъ естественскій домъ съ Хрущевскаго переулка. Надъ образующимъ террасы по бокамъ домъ высокимъ каменнымъ фундаментомъ, отъ котораго вѣдетъ перекрѣпленныя древне русскими подпѣржками этажи, возвышается изысканный боковой фасадъ съ египетскими колоннами, вѣнчающимися и хорошо еще сохранившимися готическими фризами, изображающими какую-то сложную сцену изъ древне-византийскаго житія. Главный шести-колонный фасадъ дома въ Пречистенскѣ съ мезониномъ и балясами значительно проше, зауряднѣ бокового фасада, обходящаго руку кружнаго зодчаго и талантливаго расовальщика. Особенно интересны во изшествіи рисунка капители ионическаго колонны съ традиционными стилизованными леднями въ срединѣ иголки завитковъ.

Изысканная чистота рисунка этихъ капителей, тонкость орнаментальныхъ фризовъ, фронтонахъ и вѣнкахъ и другихъ фасадныхъ украшеній, и все вообще обликъ дома до такой степени напоминаютъ творчество хорефа московскаго стиля Е. И. Дюжарва, что невозможно хотѣлся в этотъ домъ проникнуть, сдѣвъ не ему самому, то кому-нибудь изъ талантливейшихъ его учениковъ-послѣдователей.

Все обличаетъ въ этомъ домѣ жилище истого барина, начиная съ полукруглой козюльни въ ворота и сошедшихъ рѣшѣхъ дверей главнаго входа до массивнаго чисто-дворцоваго стула въ садъ по лѣвую изъходящую въ стѣнѣмъ. Изысканно лаванью-бѣлымъ, замыкающій рѣшетку сада на угау по Пречистенскѣ, тѣсно саятъ съ общимъ архитектурнымъ ансамблемъ и придаетъ ему особый отпѣтый ланитность.

Хотя бы изъ уваженія къ художественному замыслу строителя, московскому дворничеству слѣдуетъ обратить болѣе вниманіе на состояние дома, давая ему жаждущаго ремонта; а вѣсти игнорировать жалкое запущенное здание, притѣвляющееся въ убогости, — это было бы не только несправедливо, но и некультурно. Надо всего плановый и безобразнѣйшее его выѣхание и крашаніе. Надо зашпаклевать, впрочемъ, что хрущевскому дому угрожаетъ окончательная гибель, такъ какъ, по Высочайшему повелѣнію, воспрещается не только строить, но и ремонтировать деревянные строения въ районѣ Пречистенки. Но, въ виду исключительнаго значе-

Боковой фасадъ Селезневскаго дома съ Хрущевскаго переулка. Въ галубѣй — домъ Окружнаго суда (бывш. Всеволожскаго).

Домъ Черномова (бывш. Станнкой).

Главный фасадъ дома Селезневыхъ (по Пречистенскѣ).

1

сестры, тогда же это владение делится на две части — и одно из них владеть братья И. С. Тургенев — Николай Сергеевич. Громоздкий дом Пятикош, занятый тесарь-гипсидией — Поли-
янов, как-бы замыкает путь дворницких грядок по правой стороне Пресненки. В 50-х годах здесь жили богатые — пензенские помещики Охлопковы и в их просторной базной залы с хорамы нередко веселились молодежь дворницкой Москвы. К сожалению, этот привилегированный, достойный названий дворца дом слишком давно ждал основательного ремонта. Многие фигуры на его скульптурном фризе лишались головы и руки так много лет измученные бездомными и безрукими горельефами — античными тогда бедные мастера не раз успевали прокрасить грязную «вазю».

От безобразной окраски пострадала и перекла Троицы что, в Зубов, на которую глядят еще не обремененные героя с фриза дома Пятикош. В XVIII веке здесь размещались юбки стрелковой команды полка Ивана Зубова, данного свое имя не одной свободой, но и всей истинности — от перекла до Дьявольского дома.

Евangelический памятник допетровской Руси на Пресненке — Зубовский храм, выстроенный в 1802 г. и слегка перестроенный впоследствии, не привлекает особого внимания в столь богатом живом музее церковного зодчества, какими

является Москва. Но за то его изысканная затрата напирания колокольни, построенная в 1651 году, считается самым высоким среди московских шатровых колоколен. Все своеобразное извещает ее, очертают, яркость голубого неба, сверкающего бирюзы и сапфировым из тридцати-двух окошечках — «слухах» шатра колоколен, архаичные в гласе с гласом росписные полевные изразцы, — все гибнет в гущу — уродливой изысканной краски кофенного шатра, которым догадываешься что-то выжидать и ждать, и аналитическое.

Внимательный взгляд уловит на Пресненке и другие доживавшие свой век остатки дворницких грядок: в поверженном скромном особнячке Ребикова, бывшем Языковой, в колонаде дома фон-Мекк (бывшей Самсоновских), очевидно обо-

Иллюстрация (гравюра) из книги Н. Талоченко.

образованной перестройкой. Пресненка волею времени стояла из стороны от стремительного потока московского зодчества, но теперь пришла и ее очередь. На мистах дворницких особнячков вырастают одни за другими многоэтажные домики и от бывшей перестройки пути дворницких грядок остались отдаленные, едва-едва заметные следы. Самые драгоценные из них: дом Селезневых, Челомея (Станичкина) и Покровное Дело во всяком случае должны войти в историю русского зодчества, как совершенные образцы московского стиля Empire.

В. Николаев.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ И. К. АЙВАЗОВСКОГО ВЪ ѲЕОДОСИИ.

Въ письмѣ, помѣченномъ 1-го ноября 1899 г. И. К. Айвазовскій писалъ Н. Н. Кузьмину о своей галерей: „По возможности постараюсь отвѣтить на ваши вопросы. Галерею свою я выстроилъ на свои средства, собранная отъ выставокъ Кавказа и Крыма, 25 лѣтъ тому назадъ. Какъ галерея, такъ и домъ выстроены по моему личному проекту. Въ галерею собиравались картины въ продолженіе 20 слѣдующихъ лѣтъ; теперь мною начаты новыя. Кромѣ того, картины и скульптура другихъ художниковъ и скульпторовъ, которыми она пополняется всѣ годы. Галерея моя постоянно открыта для публики, особенно для пріѣзжихъ на пароходахъ. Это мое желаніе. Сборъ я пред-

назначую въ распоряженіе Ѳеодосійскаго благотворительнаго общества.

На вопросъ нашъ, какія картины я считаю въ ней „лучшими“, я отвѣтить не могу по той причинѣ, что положительно въ каждой изъ нихъ есть что-нибудь удачное, вообще не только между картинами въ галерей, но между всѣми моими произведеніями, которыхъ, вѣроятно, въ свѣтъ до 6.000. Я не могу выбрать. Со строгимъ выборомъ попалъ онъ въ галерею. Вполнѣ онъ меня не удовлетворяетъ. И теперь я продолжаю поэтому писать. Я стараюсь по возможности исправить прежніе недостатки, почему и приходится повторять прежніе сюжеты и мотивы. Вообще могу сказать одно, это я полагаю, что мои послѣднія произведенія отличаются и несколько между моими, но и многими чужими — силой свѣта, и тѣ картины, въ которыхъ главная сила — свѣтъ солнца, луны и проч., а также волны и пѣна морская, надо считать лучшими.

Благодаря Богу, я чувствую себя здоровымъ и нисколько не ослабѣвшимъ къ искусству. Доказательство тому — нынѣшнее лѣто. Я не помню, чтобы въ продолженіе 60-ти лѣтней дѣятельности я такъ много бы написалъ. О достоинствѣ ихъ я не скажу, но что писалъ ихъ съ большой страстью — это вѣрно. Въ

Картина И. К. Айвазовскаго. — „Олимпъ“.

дарно съ моей стороны не видѣть и своихъ почитателей и заграницей, даже въ Америкѣ, и въ Россіи, и вообще не цѣнить сочувствія всего просвѣщеннаго русскаго общества, доказавшаго это въ продолженіе всей моей художественной дѣятельности, и мнѣ именно дорого это сочувствіе, благодаря которому я работаю. Всѣ интриги противъ меня 30—20 лѣтъ тому назадъ меня нисколько не обезкуражили, и мой постоянный трудъ восторжествовалъ*...

нынѣшнюю зиму я не намѣренъ устроить выставки ни въ Спб., ни въ Москвѣ: надо же, чтобы публика отдохнула отъ моихъ картинъ, но если Богъ благословитъ меня еще быть такимъ бодрымъ и преданнымъ своему дѣлу, то надѣюсь черезъ годъ представить своимъ почитателямъ всѣ мои послѣднія произведенія, выставленные въ галлерей. Знаю, что есть, и очень много, декадентовъ, которые не сочувствуютъ моимъ произведеніямъ и жаждаютъ создать еще новыя свои, но было бы неблаго-

Нартинная галлерей И. К. Айвазовскаго въ Феодосіи.

И. К. Айвазовскій за работой. Портретъ съ автографомъ И. К. 1890 годъ.

НОРВЕЖСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Личный составъ Норвежскаго посольства: посланникъ
Н. Пребсенъ, военный агентъ княгиня Русяда,
секретарь Ясельнъ.

Супруга Норвежскаго посланника и-те
Кристина Пребсенъ и дочь посла-
ника Вейке-Грове Пребсенъ.

Соб. фот. „Ст. и Уг.“.
Слева Н. В. Швейнберга.

ОСОБНЯКЪ НИДЕРЛАНДСКАГО ГЕНЕ- РАЛЬНАГО КОНСУЛА ГИЛЬЗЕ-ФАНЪ-ДЕРЪ- ПАЛЬСЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Мраморная группа „Пастушка съ ягнтями“
роб. П. Каноника.

Цѣточная комната. Среди чашковъ мрамор-
ная статуя „Михаила послѣ пострѣга“ роб.
П. Каноника (котора памятникъ Великаго Нико-
лая Николаевичу передъ Михайломъ, мѣлечкомъ).

Столовая. Вдоль — малые интимы, столовая; изъѣво карт.
Petries Ant. Novelli. 1772 г. (будто бы она принадлежала
Эрмитажу, за № 2574; при Николаѣ I, во время сортировки
и очистки Эрмитажскихъ уникъ, попала въ частныя руки).

Лѣстницы
парадная и
внутренняя.

Фасадъ
дома по
Англий-
скому
просп.

А. Е. Мартынов.

П. А. Каратыгинъ.

П. И. Григорьевъ.

НИКОЛАЕВСКИЕ АКТЕРЫ.

В. В. Самойловъ.

Е. Н. Жулева.

И. И. Соснинский.

В. В. Самойлова 2.

А. М. Максимовъ I.

Н. Г. Брянский.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ

Застава
бульв. Двена

НИКОЛАЕВСКИЕ АКТЕРЫ.

Русский театр в царствование Императора Николая Павловича безусловно самая блестящая страна в истории русского театра XIX века. В этот славный период русская сцена обогащалась именами Грибокова, Голяка, Тургенца, Островского, Гамкина. Но особенной высотой во всех его направлениях. Драма и комедия имели таких исполнителей, как Каратыгин, Сосина, Бринск, Самойлова, Мартынов, Дюр, Максимов, Пензин, Садоский, Шумский, Жавонкин. В балет сцены имели даровитых русских танцовщиц: Андреевну, Савиной, Санковской, Шафохта, во главе с аристократическими европейскими балеринами Талони, Фини Зильсера, Черито и м. др., считавшими Россию своей второю родиной. Французский театр по своему блестящему составу и репертуару мог свободно соперничать с *Comédie Française*. Супруги Адази, Бресаня, Дефур, Пасси, Волынский, Мейер, Вертов, Бурже, Руже, Готт, Верне, Лемисны — вот какие артисты украшали тогда сцену нашего Théâtre Miché. Русская опера еще зарождалась, но уже имела таких представителей, как В. М. Самойлов, О. А. Петров, А. Я. Воробьев, Н. Лавров, теоретик бытовщины. Итальянская опера обладала такими голосами, как Лабатин, Рубини, Тамбурини, Марко, Тамберини, Вилло, Кальчанини и др. не менее талантливыми артистами.

Знатный государственным делом, лично входивший во все дела государственного управления, Император не мало уделял внимания и театру. Театр был вообще любимым удовольствием и развлечением Государя. С ним он никогда не порывал связи. Зимой в Петербурге Николай Павлович посещал театры ежедневно, а иногда, просматривая одну пьесу в одном театре, переключался на другой. Проводил часть зима на Елагинском, Государь и тут поблизости дворца выстроил театр на Каменном Острове. В Царском Селе, где Император проводил осень, тоже была устроена дворцовый театр. Затея дала много спектаклей да раза изредка и присутствовал на них постоянно вся Августейшая семья и гости, по приглашению самого Государя.

Когда же Государь по некоторому не приехал на театр, он требовал по доброй воле любимых актеров, которые и развлекли на два небольших пьесы на два-три лица. Были тамх легкая комедия, а иногда, просматривая одну пьесу в одном театре, переключался на другой. Проводил часть зима на Елагинском, Государь и тут поблизости дворца выстроил театр на Каменном Острове. В Царском Селе, где Император проводил осень, тоже была устроена дворцовый театр. Затея дала много спектаклей да раза изредка и присутствовал на них постоянно вся Августейшая семья и гости, по приглашению самого Государя.

Когда же Государь по некоторому не приехал на театр, он требовал по доброй воле любимых актеров, которые и развлекли на два небольших пьесы на два-три лица. Были тамх легкая комедия, а иногда, просматривая одну пьесу в одном театре, переключался на другой. Проводил часть зима на Елагинском, Государь и тут поблизости дворца выстроил театр на Каменном Острове. В Царском Селе, где Император проводил осень, тоже была устроена дворцовый театр. Затея дала много спектаклей да раза изредка и присутствовал на них постоянно вся Августейшая семья и гости, по приглашению самого Государя.

театного актера. Апплодировал Императоръ звуку, ударяя в ладоши не больше трех раз. Его аплодисменты знали все актеры.

Безусловно в театр Императора никто не смел. Лишь чрезвычайная события составляли исключение. Так, например, 17 декабря 1837 года затерялся Зимий дворец. Все императорская фамилия находилась в то время в Большом театре, Государь был вызван осторожно, чтобы не испугать Императрицу. Не дожидаясь балета, Государь приехал на второе представление балета. В этот вечер Государь спустился в залу, чтобы лучше видеть ее face весь ансамбль балета и из особенности танца прима-балерины. Его Величество занял генерал-губернаторское кресло и через полчаса минут, увидев, что весь зал пуст, указав на него Ваг. Кн. Михаилу Павловичу, сидевшему за боковой императорской ложей.

Взглянув Государь всегда выходил на сцену по сопровождению Ваг. Кн. Михаила Павловича, которого звали называли своего тенью. Молодым Великим. Князь и Настасья взошли на сцену не дождавшись; они обыкновенно робко выглядывали за кулисы из-за дери, ведаясь до ложи на сцену.

«Я ахожу на сцену, потому что театры мои», говорил Император. Настасья Александр Николаевич стал быкать за кулисами с Государем только после смерти Ваг. Кн. Михаила Павловича.

Приходя за кулисы, Августейший театрал всегда останавливался на самой средней сцене у занавеса. «Эта мертвая точка на сцене. Затея в немую не минаю», говорил Государь.

Лично только Государь посылал на сцену, его собою же окружал актеры. Особенно любимой и выносившей царя полагались сестры В. В. и Н. В. Самойловы, А. Е. Мартыновы, А. М. Максимов, П. А. Каратыгин, постоянно сближавший Государя своими остроумиями и для Григорьевых — Петру Ивановичу, необыкновенно типично изображавший русских солдат на сцене, и Петру Григорьевичу — безобразно и правдивый роль петербургских купцов. Эти артисты как бы составили актерскую свиту Николая Павловича.

К В. А. Каратыгину Император относился с каким-то особенным уважением и серьезностью, часто беседовал с ним об актерстве и искусстве, а также и шутки.

Как известно, артист отличался большим ростом. Высокий рост имела и Государь Николай Павлович. Однако, разговорная с артистом, Государь вдруг замолчал:

— А, ну-ка, Каратыгин, что пь, пь, пь, пь?

Великий Князь Михаил Павлович поставил их сними друга из друга и, присев на шпильки, коснувшись головы Государя, провела рукою по голове Каратыгина, который оказался чуть-чуть выше Государя.

— Однако, ты выше меня, Каратыгин! — воскликнул Николай Павлович.

— Да, Ваше Величество! — ответил замешанный трясом своему обаяемому монарху.

Такая поправка Императору чрезвычайно понравилась.

К другому театру Я. Г. Бринского Государь не чувствовал ни малейшей симпатии. И, когда Государь бывал на сцене, Бринский никогда не выходил из своей уборной, чтобы не попасть на глаза. Такое отношение Государя объясняется тем, что Бринский принадлежал к обществу декабристов, был замечательным притеснен А. И. Якубовича и раздвигал его взгляды, что было нелепо для дитя Я. Г. Бринского в славянской комедии.

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
И ТЕОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ТЕАТРА
И МУЗЫКИ
И ИСКУССТВ

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

№ 4867

назидки из Петергофа давали спектакли. Прибылих
он не знал, куда поместить и устроил их в роскошных
приорках прачешных. Государь, узнав об этом, сильно
заволновался и несколько раз повторил: «Как это можно! Выход
они обиделись!» и сейчас же послал к ним с извинением
Насимкина Александра Николаевича.

— Вы, господа, ради Бога не обижаетесь. Такая масса народа
собирается на праздники, что отец и сам стеснен до последней
крайности,—сказал Александр Николаевич.

Артисты откликнулись, что их помещение переселено и жить им
малейшего повода обижаться.

Вечером Николай Павлович сам зашел к артистам:
«Вы на меня не в претензии, что наши уборные принахились к
прачешной?» ласково обратился Государь к артистам.

— Напротив, Ваше Величество, за что же претендовать,
когда мы, видно, понаехали тошноты,—откликнулся Государю П. А.
Каратыгин.

Государь расхохотался и дружески похлопал руку находчивому
остроумцу.

Во время бофшан Н. О. Дюрк и В. Н. Асенковой Государь
привлек к ним своего доктора.

Бофшан и слабей здоровьем А. М. Максимова и А. Е.
Мартынова неоднократно выдавались особым на лечение из Каби-
нета Его Величества.

Отличившись артистам Государь дарил подарки. Присут-
ствуя на всьех дебатах, еще нередко утапливал в дебатантах
будущих настоящих артистов, так, например, он сразу
указал на Мартынова и Жузева, как на настоящих сцениче-
ских художников.

До какой степени Государь сочувствовал молодым актерам,
можно видеть из слов самого же Государя, сказанных однажды
А. М. Максимова:

— Я всегда волнуюсь и робко за молодого человека. Без-
престанно боюсь, чтобы он не сделал какой нибудь невольной
или промашки, и только, смотря на опытных, же испытываю этого.
За тебя я всегда спокоен!

Однажды из откликов на привечливость, сказанную Государем,
Надежда Васильевна Самойлова сдала реверанс.

— Как вы это ловко делаете!—протворил Государь, прече-
сти связь сдала реверанс пред Надеждой Васильевной.

Надежда Васильевна пришла еще глубже.

— Ну, а ниже этого уже нельзя?—ласково спросил Го-
сударь.

Надежда Васильевна сдала реверанс ниже.

Его Величество сдала так же и оный спросил:

— Ну, а ниже этого, впрямую, уже нельзя?

Надежда Васильевна сдала реверанс совсем низко.

Государь рассмеялся и сказал:

— Ничто, уже извините, я так не сумью.

Надежда Васильевна Самойлова была прекрасною актрисой.
Игра ее отличалась несомненно, онем. По голосу она свободно
могла быть оперною певицей; из ролей же драматических из
ней было много дум и чувств, что особенно высоко ценил
Государь ее актеры. Сестра ее, Вера Васильевна, занимала
амплуа первой драматической любовницы и при большом та-
ланте выдала прекрасную сценическую наружность и изысканная,
благородная манера, почему незаметно была из ролей
сделана для Государя и Государыни очень любима Вру Ва-
сильевну, и спектакли с ее участием очень часто давались
на собственных покоех Государыни.

К актеру Алексею Михайловичу Максимова Государь отно-
сился особенно добродетельно, и Максимова, получив такую
расположение к нему Моника, верою позволял себя асту-
питься с Императором на пространств разговоры. Беседуя с
Государем, однажды о театральном костюмщике, Максимов,
давше местный надеть на сцену мушкетера гардейского офицера,
спросил Государя: можно ли на сцене надеть настоящую воен-
ную форму?

— Если ты примешь честного офицера, то, конечно, можно;
представлен же человек порочного, ты порочишь и мушкетера и
тогда этого нельзя!—откликнулся Государь.

Максимов, вскоре же воспользовавшись дозволением Государя
и сдала себя блестящую форму гардейского офицера, играя
из каких-то воледей.

В актёрск, перед началом поганы, выходил из ложи на
сцену. Государь указывал на полуосвещенной кулисы Максимов
и признавал его за настоящего офицера.

— Завтра вы здесь?—строго спросил Государь.

— Максимова так оробал, что не мог выговорить ни
слова.

— Завтра вы здесь?—еще строже спросил Государь.

Максимов, много перед тем кутавший и не выказавший
несколько раз на службу, предположил, что Государю все уже
известно, и тайно же он отнес именно к этому поводу, и
окончательно растерялся.

Завтра вы здесь? Кто вы такой? Как вы фамилия?—не
преставлял Государь и, кланя Максимова за вухам, подала его
к лицу. Посмотрев внимательно на лицо, Николай Павлович
указал, что это Максимов.

— Фу, братец, я тебя совсем не узнал в этом мушкетере!—
воскликнул Государь.

У Максимова отслоило от сердца. Посадил он товарища, что
патерился такого страху, что не только обер-офицерский мушкетер
не издал бы, а даже и фельдмаршалский.

Однажды Государь на Неском проспекте встретил И. И.
Соснинского, которому по интригам дирекции отказал в заклю-
чении нового контракта и который поэтому вышел в отставку.
Государь же знал об этом и спросил Ивана Ивановича:

— Отчего, Иван Иванович, я тебя давно не видал в
сцене?

Соснинский объяснил причину.

— Что за вздор? Что за вздор!—неожиданно возманился
своей толпой Государь.—Такие артисты театру нужны! Я хочу,
чтобы ты служил! Передай директору, что я лично приказываю
ему немедленно принять тебя на сцену!

Соснинский от радости заплакал и до конца дней своих не
мог без слов разлажаться о таком внимании Государя.

Актёр П. Г. Григорьев Император любил за остроумие и
импровизаторский талант. Например, из поэмат, «Ложа 1-го яруса
на посланной дебаты Талочной», он играл куму, который трется
у кассы театра и мелеет всякую глупость. В этой роле Григорьев
говорил обо всем, что тогда интересовало петербургское общество.
В особенности доставало Гречу и Булатину. Тогда Греч чи-
тал на Большой Мещанской публичные лекции русского языка,
а Григорьев говорил, что имени Греча на Большой Мещанской
русский язык показывать.

Греч фадил жаловаться на Григорьева директору Импера-
торской театры Гедеонову, но тот откликнул, что запретить не
иметь права, так как импровизировать Григорьеву разрешал
сам Государь.

Когда Государь в первый раз задал Григорьеву тему, то
простой акт природы Григорьев спросил Государя:—А как же
насчет цензуры, Ваше Величество?

Государь улыбнулся.

Ну, если тебя потребуют к откату, скажи, что я про-
стах тебе рассказываю, а если тебе ничего не будет?

Несмотря, однако, на такое разрешение, самого Государя,
бывший в те время на сцене, вначале И. И. откликнулся А. В.
Дубельт сказал Григорьеву, когда уже Государь скрывался
своей ложью: «Ты все-таки не охотись нам дай простор, так вы
и разойдетесь шире широго!»

Бывая в Москве, Государь также посещал театры и в
особенности любил М. С. Щепкина. В свой последний приезд
из Москвы Государь по обыкновению прошел за кулисы. Лишь
Государь было печально, улыбка грустная. Встретив Щепкина,
Государь сказал:

— Невесело, Щепкин, невесело!

— Я,—говорил впоследствии М. С. Щепкин,—слово «Не-
весело» отнес было к репертуру и сказал Государю: «Пес-
ель», Ваше Величество», во что позволил мне на плечо руку и
грустно зашептал: «содержу у меня влеть, Щепкин, вот что!»

Любимцем Государя была и знаменитый комик А. Е. Мар-
тынов. Знак блестящий импровизаторский талант артиста, Государь
часто заставлял его представлять кого-либо из действитель-
ных лиц. Однажды, выившись за кулисы, Государь обратился к
актеру:

— Мартынов, говорят, что ты удачно копируешь меня. Ну,
ну, изобрази-ка!

Мартынов странно заволаговался, долго откидывался, но Го-
сударь продолжал настаивать, и Мартынову пришлось исполнять
требование. Приняв обычную позу Государя, артист вынырнул,
забросав голову назад, заложив пальцы правой руки за левую
пуповину и громким голосом, тыч-то-тыч, как у Императора,
сказал стоищу тут же министру заора из. Высокскому:
«Восклицайте, да! Мартынову эффект рублей из Кабинета за его
реально-уверенную службу!» Эффект вышел поразительный! Вст
присутствующие неперлаживали, не зная, как Государь при-
меть эту выходку, но Николай Павлович рассмеялся и, обращаясь
к артисту, сказал: «Ловко, Мартынов. Безобразно!» и, пово-
ротившись к министру, добавил: «Восклицайте! Что-ж, исполня
из точности мое приказание, перелазите теб! Мартыновым!»

Во оперу Государь очень любил О. А. Петрова. Как-то
присутствуя на представлении «Жизни за Царя», Государь особенно
восторгался от О. Петровича в роле Сулавина, и, приая на сцену,
сказал ему: «Ты так хорошо, так горячо выражаешь любовь к
отечеству, что у меня на роде приподнялась накладка!» Про-
должая с ним разговаривать, Государь выразил свое удо-
вольствие, что русский опере дается больше улыбок.

Восхищенный Петров сказал Государю: «Вот, Ваше Ве-
личество, если бы нам приобрел титора Иванов, тогда бы наша
опера поднялась еще выше!»

Государь сердито взглянул на Петрова и быстро от него
отвернулся. Настала мертвая тишина за кулисами Большого театра.
Петров растерялся. Прошло дв-три минуты, и лишь Государь
прояснелось, он подошел к Петрову и, подождав ему руку за
плечо, сказал:

— Любимый Петров, какими бы достойными человеком не
обладал, но, если он извещает своему отечеству, он из моты
глазеть же житье никакой ценой! Иванов никогда не быль
из России!

Дело в том, что Иванов был придворный плащик, и, помыслив за границу на казенный счет для усовершенствования, ась за границей и на требованіи Государя вернуться въ Россію, снѣз отказомъ и принять иностранное подданство. Сдѣлавшись вѣстившимъ знаменитымъ опернымъ пѣвцомъ, онъ покинулъ дворъ въ Парижѣ, Мадридѣ, Лондонѣ и др. крупныхъ европейскихъ городовъ и скончался за границей.

Бывая на государственныхъ репетиціяхъ, Государь интересовался подробностями постановки, эффектными сцены и вообще входилъ во всѣ мелочи. Прибывъ, однажды, на генеральную репетицію балета „Амазонокъ XV столѣтія, или Война женщинъ“ и видя, что въ четвертомъ дѣйствіи амазонки, бросающія на приступъ крѣпости, дѣлаютъ на вершѣ стѣны подъ самые колосники по дѣйствию, висящимъ на крюкахъ, задѣлись нѣмъ же за верхи декораций, пожелалъ узнать, кто это хитрые амазонки.

— Это воспитанники театральнаго училища дѣлать амазонокъ, Ваше Величество, — отвѣтилъ Государю балетмейстеръ Перро.

Государь вышелъ на сцену и приказалъ позвать себѣ дѣтисню, спросивъ предварительно: не представлятъ ли это опасностъ?

— Сохрани Боже сорваться съ такой вышины! — добавлялъ Государь.

Когда Государю показали дѣтисню, онъ тщательно осмотрѣлъ крышу и освѣдомился о томъ, какъ она укрѣплена внизу. Государю объяснили, что дѣтисня упрямится въ выступѣ декораций и сорваться такимъ образомъ не можетъ. Успокоившись на счетъ

безопасности, Государь обратился къ воспитанникамъ-амазонкамъ, окружавшимъ его, и спросилъ:

— Не страшно?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество!

— А ну, прощайте это при мнѣ!

Воспитанники исполнили.

— Превосходно, хитрые амазонки, превосходно!

И затѣмъ, когда Государь бывалъ въ томъ балетѣ, то, проходя по сценѣ, въ антрактъ между 3 и 4 дѣйствіями, нечаянно подходилъ къ которому нибудь изъ воспитанниковъ и, поджавъ рукою законы, заглядывая на затылокъ, спрашивалъ: „mademoiselle или monsieur?“ и, увидя короткіе волосы, искалъ: „волосы-крикуны“.

Амазонки-воспитанники вскрикивали, а Государь, довольный, смѣялся и говорилъ:

Нашелъ, нашелъ фальшивую амазонку.

Постъ спектакля Государь любилъ читать рецензіи и строго каралъ недобросовѣстныхъ критиковъ: такъ однажды Василью Петрову и Сорokinу были посланы даже на гауптвахту; вѣдоміе и акробата Государя въ актерамъ былъ безразличен — однимъ словомъ, театръ любилъ Николай Павловичъ всей душой, истинной любовью и память Августѣйшаго театра, со дня смерти котораго, между прочимъ, въ вышнѣмъ году исполнилось 60 лѣтъ, въ исторіи русскаго театра неизбѣжна.

А. М. Брянский.

С.-Петербургъ.
Императорскій театръ Гюгера на лѣвомъ
большомъ театрѣ (въ 40-хъ годахъ).

ЧУДЕСА ДАУРИИ.

(Матеріалы для настоящаго очерка любезно предоставлены мнѣ литераторомъ П. К. Бѣлѣцкимъ — участникомъ Витимской экспедиціи геолога Я. А. Макарова (1898—1900 г.) и дополнительной поездки туда же (въ 1910 г.).

Не только въ Африкѣ или въ Америкѣ, но и въ Россіи есть еще мѣста, куда не ступала человѣческая нога, по крайней мѣрѣ тогда культурнаго человѣка.

— Напримѣръ, что вы думаете о Даурии?

— Гдѣ она? Какъ она выглядитъ?

А, между тѣмъ, Даурия могла бы субсидировать своимъ золотомъ всѣ банки всего міра!

Въ горахъ Даурии еще до сихъ поръ доживаютъ свои послѣдніе пѣсны невооруженный каменный вѣкъ. И, если бы Африка, вдругъ, случайно, затерялась передъ Россіей, то Даурия предвѣщая бы ей также дикость, передъ которыми гоше тоггетопи — истые стоиби.

Если дойти до желѣзной дорогѣ до Верхнеудинска, оттуда по Спиритинскому тракту до села Умьры, оттуда вдоль озера Большой и Малой Гравы на Зун-Картъ и оттуда черезъ Аману-рху на Зун-рху, то вы увидите въ предѣлахъ Даурии, раскопавшись отъ Сана до Яблонова хребта на протяженіи 55.000 кв. верстъ.

Вся эта удивительная страна сплошь изрѣзана горами, рѣками, водохранилищами и пропастями. Здѣсь все феерично и грандіозно! Если ужъ сосна, такъ въ два обхвата, если медвѣдь, такъ въ 2 сажени длиною, если лося, такъ на 30 пудовъ, если трава, такъ въ ней же видно соло, если жара, такъ въ 40°, если морозъ, такъ въ 60°, если золото, такъ приприманишь!

Во время сотворенія Даурии, мѣстный богъ Бурхадъ пользовался особымъ, увеличеннымъ, исключительнымъ масштабомъ!...

Здѣшнее население — сплошной золотой кауба. И неумерено. Тайга сплошь набита хвостатыми медвѣдями (поишь, сдѣла съ поперемѣй), бѣлыми волками, рысины, россомаха, чернубирыми ласками, лососи, хабарой (рыбчатая козуля), горностаями, кабаньями, таурами, тегерзаны, рабиканы и куропатками.

Въ медвѣдѣхъ здѣсь не стѣсняются говсями, а куропатки пре-небрежительно бѣгутъ назавтра!...

Знаменитые даурскіе соборы, помимо того, что считаются первыми въ мірѣ по мѣху, обладаютъ еще совершенно особыми качествами.

Надо сказать, что мѣстные тауари, по простотѣ душевной, принесли спать прямо на снѣгу, и, вотъ, острые носы, чтобы не ссутуть дикіе, поджались подъ нѣтъ по вѣтамъ правились военно-инженерному искусству — „снопъ“, и затѣмъ быстро схватывались изъ и кушуютъ!

Боясь о бояхъ съ этими просвѣщенными соборами, изъ вѣснѣр, у Муискохъ хребтовъ, бродить незарегистрированное племя аросси.

Они еще не знаютъ близкаго человѣка.

Они очень пугливы, дикіе и необщительны.

Впрочемъ, что можно требовать отъ людей, которые въ зиме время добываютъ огонь посредствомъ трень дау къ деревнямъ, поглотить ихъ звѣриный шауръхъ и размазывать каменными таторами?!

Конечно, все это относится только къ муискамъ проченнымъ. Боргузинскіе ороены зарегистрированные дѣлать въ половинѣ пропалою сполнѣ, уже приближаясь къ цивилизации нѣмать кремневой ружья, вѣсть смерть и презрительно называть своихъ муисковъ „сородинѣ — дикорѣ!“

Кромѣ этого, какъ истые коренные обитатели тайги, они также высокомерно относятся и къ болѣе позднимъ пришельцамъ — туигуамъ.

Каждый, улаживающій себя ороены, готовъ дѣнь и ночи рассказывать о томъ, какъ въ XVII столѣтіи ороены отстояли роуату тайгу отъ самого Гангуикуа и о томъ, какъ два ороенскія богатыря изъ рода Чыа-Чагери, вступивъ у рѣки Баргузинки въ сѣстное пачиче туигуоско, вступили съ ними въ бой, новерни ихъ и взяли дань: „трѣхъ дѣвушекъ и много скота“.

Самое болѣе разумѣется, что туигусы не остаются въ долгу передъ своими тяжкими конкурентами и стараются всячески опровергнуть доброе ороенное мнѣ.

Не имѣя, однако, возможности извѣстаться какъ-либо опредѣленнымъ историческимъ даннымъ, эти знаменитые люди опровергаютъ исключительно въ области легендъ, да и то знаменитыхъ у болѣе культурныхъ бурты.

с, например, послание утверждает, что Бурьян создал бы специально на предмет жасения самых глупых дегерей. Но из словных, дло обстова такъ.

Бурьян вытиснул изъ гланы фигуру орочены, на мѣсто даяа заклеилъ ему бумажную маску и дуналъ...

Какъ только возмозданный орочень зашевелился, Бурьян далъ ему ослеза и отпривилъ обонхъ, безъ дальѣйшихъ разгово- ровъ, прямо въ лапурскую тайгу...

Но что бы ни говорили бурты, все же главное достоинство орочень—это ихъ удивительная честность.

Вотъ, маленькая иллюстрація.

Въ глухихъ мѣстахъ тайга растетъ вѣтка „сарана“, по вкусу напоминающая жаренные каштаны. И люди и мыши очень любятъ лузачившія корень этой „сараны“, притѣмъ мыши запасаются ею на зиму, а люди возруютъ у мышей эту записку.

Но ни ослеза орочень, какъ бы ни была она голодоса, никогда не помыслила себѣ обокрасть даже самую послѣднюю мышь. Ибо, въ тузгенныхъ орочень, впечатлительная мышь, убавившись въ пропашъ накопленной „сараны“, до того ослорокается этимъ обстоя- тельствомъ, что немедленно же вѣшаются на развѣсннкахъ первой попавшейся вѣткѣ.

Что касается вопросовъ религиозныхъ, то орочень раздѣляютъ ихъ крайне оригинально.

Съ одной стороны, они очень гордятся своей принадлежностью къ „русской аѣрѣ“, но въ то же время не забываютъ и свонхъ старыхъ боговъ.

— Одинъ богъ хороше! Но два вѣрше, чѣмъ одинъ. Кто-нибудь да поможетъ...

Вѣра въ загробную жизнь, нисколько въ „небесную тайгу“, у нихъ настолько асана, что она, какъ и древне египцы, не только дають и берутъ въ долъ съ условіемъ однан на томъ свѣтѣ. Въ силу этого, ороченскимъ мертвцамъ обезпечены самыя пышныя похороны.

Бурьян, его знаятъ, разсуждая орочень, отправляясь на похороны своего родича, похоронивши его плохо, такъ онъ, еще чего добраго, вернется и навакоститъ*.

Помимо орочень и тузгусовъ, въ Дауринъ имѣются также и своеобразная интеллигенція: рабоче золотопоскателъ и таежные бродяги.

И тѣ и другіе, въ общемъ, очень мало отличаются отъ тузген- цевъ, ибо въ Дауринъ любой профессоръ междуразногана права можетъ легко и просто превратиться въ первобытнаго дикаря. Превращенія эти происходятъ слѣдующимъ образомъ:

Напримѣръ, какой-то золотопоскателъ, называъ асастаъ золота, отправляется на долъ домы.

Стоитъ только разразиться хорошей грозъ съ ливнемъ на 2-3 дня (здесь это бываетъ очень часто) и каждая выжужимая рѣкушка начинаетъ воображать себя по меньшей мѣрѣ Витимомъ. Бурьнтъ, шумитъ, разливается, спрашиваетъ долку, и хорошо еще, если возмываетъ незадачливимъ золотопоскателамъ выхлѣти на какую-нибудь скалу.

Но что же дальше? Кругомъ вода, ружья утонули, а вѣтъ надел!

Перечислены въ 26 буквъ рус- скія и тунгускія засеряются: переплетена копированъ и грубо въобще засеряются. *Маяго 20 марта 1951 года.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Они разсказывали это курьезно.

— Угодила мнѣ поити на „Гибель боговъ“. Это лучшая часть итъ „Болыа Пибуданъ“. Убѣдилъ меня, что дружо поити. Ну, я и пошла, собралась съ душою... хотя, какъ вы знаете, не перешую оперу. „Обсѣбаню удивительныи на оперѣ есны дохерей Рѣина и похоронный марша“. Въ которомъ это актѣ? „Въ посланіемъ“... актѣ. Все такъ рѣшилъ поити.

Первую половину пернаго акта кое какъ вытерпѣла, къ концу, немного стало клонить ко сну. Во второмъ актѣ глаза начали закрываться сами собой... Я сказала наглаго у самыхъ арфъ. Скрипѣи жалобно вѣли, такъ и бѣсноты, кларнетъ вѣлъ жалобно атарелъ. Я начала засыпать. Вдругъ изъ самыхъ арфъ — „дѣвчѣ“... точно что-то оборвалось. И опять я мохала на долъ минутъ. Оказалось, что, у арфы во всемъ толмѣ одна нота. Зато я проснулася, всколыхъ даже! Еше бы, шесть арфъ струу одну ноту!

Она, показывая дальше, какую безмыслицу и съ квинны жестами повоетъ отдаленныя исполненіи, какъ рядомъ собѣтъ толмѣнный господаинъ, какъ слеза кто-то выхлѣзла.

— Зѣфирѣда прилѣзаетъ на сцену. Долго, долго стоитъ, потомъ долго долѣтъ, долго смотритъ на Гунтери, наконецъ стѣтъ, еще проклинаетъ „Гунтери, скажи са жѣтъ имѣ!“ Гунтери долго подумаетъ, такъ долго, что за это время можно скондѣти въ буфетѣ, закупись, выкурить пиперосу и тогда вернуться услышать какъ Гунтери отгадываетъ.

„Гунтери“

Вотъ тутъ-то и начинается первобытная жизнь въ стилѣ Робинзона Крузо до тѣхъ поръ, пока не спадетъ вода или не поа- вернется случайно какой-нибудь заблудившійся орочень.

Одинъ старый ороченскій охотникъ разсказывалъ, какъ, потре- ривъ, однажды, на „трой смерти“ своего оленя вмѣстѣ съ ружьемъ и пропантомъ, онъ спасся отъ голодной смерти только благо- дари чуау.

„Трой смерти“—это указъ горная дорожка, выходящая надъ пропашью у верховьевъ рѣан Гурян.

Принимая во вниманіе, что разойтись на ней невозможно, а повернуть назадъ тоже нельзя, ибо ею пользуются не только люди, но и звѣря, аска въстрѣча здѣсь неминуемо кончается гибелью.

Волкъ и лось, козуля и медвѣдъ, столкнувшись на этой тропѣ, instinctивно бросаются другъ на друга и скатываются въ пропасть.

Люди же поступаютъ немного иначе. Даже самыя близкіе родственники, замѣтивъ идуща друга друга, вскакиваютъ ружья и выстрѣлами расчищаютъ себѣ дорогу.

Чудно было такое. Громыдѣнъ казѣтъ въ обѣдѣнхъ хлѣбостого медвѣдѣ. Конечно, и тотъ и другой были уже мертвы, являе „маходой“ оказался бы слѣмъ охотникъ. Махода съелъ его отъ голодной смерти. О томъ, что мясо приходится вѣстъ сырымъ, тутъ не безпокоятся...

Много, очень много золота, невиданныхъ красотъ и явнѣнхъ легендъ хранитъ въ себѣ далекая, загадочная Даурия.

И что мы, въ концѣ концовъ, о ней знаемъ? Да только то, что тамъ лещется Витимъ, извивався на 1600 верста, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ являе длиннѣй и течетъ не совсѣмъ такъ, какъ это желательнао измѣнѣнхъ географамъ...

Н. А.—а.

Прим. редакціи.

Совсѣмъ точно или приблизительно это опи- саніе неведомой намъ Даурии и ея чудесъ, во все- комомъ случаѣ несомнѣнно, что орочены (орочи, оро- чоны) изучены гораздо меньше, чѣмъ любое черно- кооее племя Центральной Африки. Наша культура въ Дауринъ ограничивалась доставкой спирта...

Въ русскихъ этнографическихъ источникахъ находимъ только:

Ороче—кожанъ вѣтъ тузгускаго племенъ... Амурске ороче некогда не были хитчиваками и оленей не держ- жали, живуть рыбой долей и охотой. Орочей больше не больше 300 душъ... Янхъ-орочей близокъ къ измѣу сол- довъ*.

Орочоны—сѣверная вѣтъ, тузгускаго племенъ, но- малы, развитыя сѣвернаго оленя, живуть главнымъ обра- зомъ охотой... Число орочень не больше 1500 душъ... Янхъ близокъ къ тузгускому*.

И только. Даже англичане до сихъ поръ не знаютъ, что въ Дауринъ можетъ быть лучшая въ мѣрѣ охота.

Потомъ опять длинная пауза и опять Зѣфирѣда протяжно вѣстѣ: „Скажи жѣтъ, дамужесъ она!“

Тутъ уже можно съѣздѣтъ домой, и вернувшись услышать, какъ Гунтери отгадываетъ:

„Нѣтъ, дѣвчынѣ!“

А нота Гантѣвская „Орѣстѣя“ — это сизифѣ. Въ первомъ актѣ мужеубѣство, во второмъ—матерѣбѣство, всдууи, фури... а не страшно!

Агамемнонъ прилѣзаетъ на долъ оарѣхъ въ колѣсницѣ, оченъ хочетъ вывѣстъ свою жену, но какъ та его ни угоариваетъ, ни за что съ колѣсницей соити не желаетъ.

„Понимъ, принцъ въ мои обѣты!“—долго долѣ Гантѣмѣстра.

— Принцъ, предъ въ мои обѣты*—долго долѣ Агамемнонъ, котомъ можетъ вывѣстъ, а онъ все стоитъ на колѣсницѣ, не дви- гаются ни она, ни онъ... Гантѣмѣстра и такъ, и смѣхъ, съ скорѣ- жалю его зарѣзаетъ, а Агамемнонъ ни съ мѣста. И вѣдуръ вѣ- нѣзаетъ—нѣтъ, нѣтъ не соудѣтъ!

А котомъ вѣстѣи скачѣтъ. И въ тога несколько болѣеиъ душой за блудной либретто, что ему приходится долѣтъ такую комедію изъ-за глупой либретто.

Очень, весьма много, когда воиска являются другъ на друга, воинны долѣтъ рубитъ оленя другого, а во либретто неслѣдъ—оченъ нѣтъ затруднительно... Неселѣнная опера?

— Это курьезно... но мы что-то же, отгадываетъ нѣтъ? — Сокранъ Боговъ, я нахожу, что, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ ли- бретто оперъ такъ, какъ ихъ поютъ—самоизная „Мамука“.

В. И. Зарубинь.
„Обитскъ“.

Н. И. Беккеръ.
„Подъ южнымъ небомъ“.

ВЫСТАВКА „ТОВАРИЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВЪ“.

Выставка производитъ яркое впечатлѣніе. На темно-пурпурномъ бердаѣ иссело сгруппированы картины, которыя въ этомъ году особенно много, красныя женскія головки, яркія пейзажи.

Среди многочисленныхъ портретовъ выделяются работы Беккера, повидимому специализирующагося на салонныхъ дамскихъ портретахъ. Наиболее удачны его портреты г-жи С. (сидѣвшей княгини Салтыковой)—въ ярко-изумрудномъ фонѣ ушло въ тонко выписанно красивое, выразительное лицо и г-жа М. П. Гинебургъ, выдержанный въ благородныхъ тонахъ сочетанія чернаго шелка и жемчуга.

Изящно тонкимъ рѣзанъ Рундальска, бойко набросанъ цвѣтной офортъ-портретъ примадонны Михайловскаго театра Роджерсъ.

Что касается Штегера, то и портреты его и жанры во многомъ уступаютъ его предыдущимъ работамъ. Чувствуется вялость,

П. Д. Шмировъ.
„Модель“.

И. В. Косминъ.
„Этюдъ“ (пастель).

И. Ф. Шульце.
„Мотивъ изъ голландскаго сада въ Гатчинѣ“.

...ость красок. Среди других работ обращают на себя внимание головы Ф. Морина.

Из многочисленных рисунков выделяется большая пастель Космина „этюд“ изгой женской фигуры, написанная весьма добросовестно. Несколько странно однообразны только point de vue этого еще совсем молодого художника. В прошлом году он дал весьма талантливый этюд натурщи, стоящей спиной к зрителю и теперь опять—обнаженный женский торс „со спины“.

По части жанра выделяется Мардеросов. Его яркие цветные пейзажи с оживленными жизнерадостными фигурами, одетыми в какие-то странные полосатые костюмы 40-х годов, запечатываются в памяти.

Братья С. и И. Колесниковы дали ряд небольших, ярких жанриков и иногда так похоже работают один на другого, что только после внимательного осмотра можно отличить Степана от Ивана.

Н. Н. Беккеръ. Портрет кн. С. (сватовская княгиня Ек. Ковст. Карпюкова).

Н. Н. Беккеръ. Портрет кн. Ш. (княгиня М. П. Шереметев).

Н. Н. Беккеръ. Портрет г-жи Г. (Е. Л. Голышева).

Н. В. Харитоновъ. „Голова“.

„На пашах“ Вещиловы настолько близко и по сюжету—боярышня и молодежь—удалец—я по мажор писма, кь Солонки, что трудно здесь познать, что это не они.

Среди многочисленных пейзажей попрежнему ярко выделяется из густой зелени белые блики частых холмистых Восточного—„Моя хата“, „Подземка“, переиздаются издательство крымских картин Федорова-Керенского—„Дуруфь“, „Судак“, внимательно следить художник „Нормандия“ Чумизова, „Свѣтлый день“, „Туман“, „Утро“, а также черноморский воина Гансика „Прибыл у береговъ Одессы“, „Черное море“ и т. д.

Н. Н. Беккеръ.
Портретъ
Марг. Павл.
Гинсбургъ.

М. В. Рундавичевъ.
Портреты
артистов
М. Т. Роджерсъ.

За отсутствием обычного экзоната по части малолетнего некая Виссильковская, его место занимает Берюся, диний рядк пелайко по "Харконовини" и "Потантини" сь календарными названиями—"Марта", "Апрель", "Май".

Художественная семья Клеверов представлена довольно разнообразно. Что касается отца — известного пейзажиста, то полотно

Г-жа З. М.
Чернышова.

„ВЕСЬ ПЕТРОГРАДЪ“.

В. И. ЗВЕГИНЦОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА И ТЕХНИКА
ИНСТИТУТ
АТМОСФЕРЫ
И ОКЕАНА

Склоны горь вокруг замка были осыпаны вечнозелеными

Далее по долине вырисовывался замок Зевекштейн; здесь нашел себя пріютъ наследникъ свергнутого португальскаго короля Домъ-Магуаль, занимавшійся ослотами въ разныхъ частяхъ свѣта, преимущественно въ Африкѣ, фотографіей и брод-жемъ.

Въ Питтсбъ я проживахъ подолгу, проводи всѣ дни въ оагѣ на фазиснои.

D. F. LANGE

(Историческая справка).

Вот произведение Чарльза Вольфа, переведенное нашим знаменитым поэтом до-пушкинского периода И. Козловым:

Не бил барабан передь смутнымъ полкомъ,
 Когда мы воеждя хоронили,
 И трупъ не съ ружейнымъ прошлымъ огнемъ
 Мы въ иждра земли опустили.
 И бѣлая почва въ ночи отдана;
 Штыками могилу копали;
 Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
 И факелы дымно сверкали.
 На немъ не успошихъ покровъ гробовой,
 Лежитъ не въ досчатой неволѣ:
 Обернуть въ широкій свой плащъ боевой,
 Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.
 Не долго, но жарко молилась Творцу
 Дружина его удалая,
 И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
 О завтрашнемъ днѣ помышляя.
 Бить можеть, на утро внезапно явясь,
 Врагъ дерзкій, надменности полный,
 Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
 Умчатъ невозвратныя волны.
 О, нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
 До храброго дума печали!
 Твой одръ одинокой въ чужой сторонѣ
 Родимыя руки постанали.

Еще не свершонъ былъ обрядъ роковой —
И часъ наступилъ разлученя,
И съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженя.
Прости-же, товарищ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой —
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Екатеринославской гимназiи, гдѣ я воспитывался, мы изучивали этотъ переводъ Козлова, среди „образцовъ поэзiи“. Моя сестра, преподававшая мнѣ англійскій языкъ, оставила въ моей памяти первую строку подлинника:

„Not a drum was heard, nor a funeral note,
As his corpe to the ramparts we hurried...

Но замечательнее всего, что автор стихотворения — священник — сразу обессмертил свое, до того никому неизвестное, имя, а крошечное произведение сделало достоянием всех поэтических сборников и хрестоматий всего мира. Автор скончался в 1823 году от чахотки, едва достигнув тридцатого года жизни.

Знаете ли вы поэтов, прославившихся всего одним своим стихотворением?

Насколько я знаю—такихъ всего два: Руже-де-Лиль, написавшій Марсельезу, и вотъ этотъ Чарльзъ Вольфъ.

Марсельеза сделалась французским национальным гимном, но автор ее, скончавшийся в глубокой старости и нищете, только в вышедшую войну удостоился перенесения своего праха в Пантеон.

Нельзя ли признать *безсмертіе* и за „военнымъ“ стихотвореніемъ Чарльза Вольфа?

C. A. Anderson, Jr.

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

„КНЯЗЬ ОЛЕГЪ“. Печатано въ типографіи Голицына и Виль-
борга—6 руб.

Книга прекрасно издана, посвящена памяти убитого на войну Николая Омеля Константиновича. Литературные книги, сравнительно редкие для такого рода сочинений, отличаются не только от узкого круга читателей. Объективность, нахождение, и вкратце беря книгу, документальность и искренность склалась образ. Книга, конечно, остается из памяти действительно живых героев почитания Николая Константиновича. Она способна думать о жизни Великого Николая, как бы принято было, работа упорная, сложное, современное. Это работа над собой, как и почти простота той обстановки, из которой, как

— Ничего не зная, не делясь нами, Кизильным... Мы должны оправдать в глазах народа свое происхождение.

— Намъ надо учиться, готовиться. Даже, можетъ быть, намъ надо подготовиться болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ...

«Надо работать», «надо учиться» повторяется на протяжении дневника. Остался большой, интересный дневник Князя, касающийся и протекавших политических событий, но из него взято только немного, ведь он может быть издечитан гораздо позже.

Вопросы религии начинают будто бы снова захватывать культурное человечество.

Проще всего через искусство атенума передовое общество, и наше, и западное, вновь возжаждало Бога—вот к какому выводу все чаще и увереннее склоняются самые различные наблюдатели современной духовной жизни. Но как, какими путями современное нам *саболезнившее* человечество достигло бы „встречи кс Богу?..“

привести «Философию религии», новую книгу юевского про-
ф. Ю. Боголюбова, цитирующей Р. Эйнаса, А. Дресса и Ару-
имовича Шиндлера:

«Не так давно французский философ Гюйно провозглашал «деганизм де л'ангел» (безгений будущего), утвер-
ждая, что нет никаких данных, — ни интеллектуальных, ни
социальных, ни этических, — для того, чтобы ожидать
от будущего развития религиозного сознания, что в на-
стоящее время религия естественно умирает, так как с
развитием науки, усовершенствованием путей общения,
развитием торговли и промышленности человека начинают
чувствовать себя все больше и больше устойчивыми сред
мировой жизни, от различных же непредвиденных слу-
чайностей его бытия. Прогнозизм начинают обогреть
страшные общества. Но такая уже, поведением, судьба
всегда предсказаний о конце религии, что встал за ними
начинается религиозное сознание. В I восток до Р. Х. также
было изречено пророчество о полном уничтожении религии
среды человеческого бытия. Ученый философ Эммануэль
Дюранж писал: («О призраки пещер»).

«О украинские Грешни! Ты, что из мрака впервые
Светом познания взглянул, объяснил нам радости жизни...
Ты — жаждал истины, открывавший тайны вещей, ты уснуло
Предлагал нам отечески. Вь слышали твоих сочинениях
Чертежи твои, подобные мечтам, что лучше свои
Пыль твои чистоты. Все мы жаждем твоих золотых
Изречений.
Да! золотых и достойных бессмертия всегда и войдем.
Ибо как только слова твои мудрые провозгласил,
Что создала природа вещей не боготворимых,
Страну исцелил все страхи души, гравя мира распустил,
И я утратил, как из пространств пустынь, нарождаются
вещи».

Что произошло вславу за этих пророчествах, —
каждому известно. Люди, правды, поучительности в своей
душе и свободе; но спасительности оказался не Эммануэль.
Рубеж страха и гонимых из их сердца Торг, кто изучил
их молитвы, говорил: «Отче наш, жди нас на небесах».
В какой же религии хотят найти современные люди своего
Бог?»

Было бы ошибочно утверждать, что наиболее в
настоящее время оживление религиозного сознания означает
возвращение современной мысли к христианству. Нет,
разрыв между христианством и современным религиозным
движением не только не ослабляется, а, напротив, все
больше и больше увеличивается. Современная религиозно-фи-
лософская мысль выступает вновь самостоятельной и ищет
своего собственного пути. Ее застенчивое стремление
является не обращением к той или другой христианской
церкви, а сознание новой религии; религии, которая, не пе-
реставая быть религией, не теряя специфически религиоз-
ные черты, в то же время могла бы вновь согласоваться
с тем миропониманием, которое вытекает из всего
строения современной культуры. Нового открытия, нового
религиозного гения, — вот что собственно жаждал и к
чему порывалась современная религиозно-философская мысль.
Но не только отвергнуть те же для другие частные пункты
христианского учения, она не принимает основного положения
христианства — а именно, что после бесспорной истины
сказана с определенными историческими фактами — ка-
ким-либо Христом.

Но влде «религия вновь согласованная с миропониманием»
современного культурного человека, что будет совсем близко
к тому «irreligion de l'avenir», от которого стремится уйти?

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕНИК. Журнал музыкаль-
ного искусства, под редакцией А. Н. Римского-Корсакова.
Музыкальное искусство не только до сих пор у нас своего
серьезного литературного органа. Пушкинские слова, «мы должны
и не можем» оказались особенно применимыми к тому иску-
ству, которое повсюду может гордиться, как высшей на-
циональной достоянием. Новому саксониану предстоит
широкая задача и, судя по первой книге, у журнала имеются
данные, чтобы их выполнить.

Со вкусом отпечатанная, книга читается с интересом.
На первом месте помещены обстоятельные статьи юевского
критика Ю. Эйнаса о музыкальном образовании в России, отклик
на настроение оптимистично. Интересна статья проф. И. И.
Липина «о музыкальном творчестве». Исторические данные,
соборный П. Стояниченко о музыке в старом Петербурге,
дают отблеск петербургских концертов за последние 15
лет. Автор приводит текст объявления о первом публич-
ном концерте в С.-Петербурге 10 июля 1746 года: «По повелу
из 7 часов прейбидь басиста из дом генерала Загурского,
подать именную команду, будет пять концерты с музыкою,
чего ради желание его слушать могут приходить в означен-
ный дом с 10 часов и 1 руб. с persone». Прейбидь басиста —
это, мы estamos неизвестным — не был, впрочем, пер-
вым устройством публичного концерта в С.-Петербурге. Но

ахтер, как-то либо саблания о предостережениях лютыхого
лнвда г. Стояниченко не удалось, так как в одно из на-
ших государственных книгохранилищ не вывозились содер-
жания «летучек», развлекла и расклевыва которая по городу
была излюбленным способом публикации из эту эпоху.

Сочеренная музыка представляла интересной статьи А. Н.
Римского Корсакова о «Соловьи» Игоря Стравинского, составил
определенное суждение о котором мы суждем лишь после
давно-общинной постановки этой оперы на Мариинской сцене.
Пока же повторим на слово автору, что «дереда посланные
сочинения И. Стравинского стоили иногда в полном недоу-
мении — так трудно по ним добраться до настоящего корня та-
лантливости, ибо так ясно, что в части музыкальной стороной
этого корня искать уже не приходится».

Интересно написанные воспоминания В. Сказова о чете
Базрамбергов (П. И. Базрамберга, имя которого, вероятно, мало
говорят читателям, несравненно забытый композитор италья
ряда опер, имя коих наиболее известны «Трушники»). Член
да русской музыкальной историографии переписки Н. А.
Римского-Корсакова с Базрамбергом дополняет содержание
первой книги нового саксонианца. Musicista.

Октябрьская книга «Востанка Европы» начинается повестью
Богородицына «Повелительница». Громоздкое количество коротеньких
лаузерованных рисунков цифрами глав, особым слова, как
только у Богородицы и усиливших — все, как всегда.

Девушка хорошей семьи, славного ума и санинским обра-
зования, весте исключительную игру со своим женихом, а
потому мужень. Она «повелительница». Она любит, она только
возвращает любовь.

Как мужина, он, мнй нравился, и я даже не осо-
бенно скрывал это. Но внутренне он еще был для меня
«чужой» и я не особенно старался о том, чтобы про-
пустить в его душу, чтобы найти в нем такие черты,
которые вызвали бы во мнй притягательные симпатии. Я хотел
однако «принудить» его так, чтобы мнй было удобно и
интересно создать с ним свой домашний очаг. Я выж-
ивалая время, чтобы изучить его, как скажут, и звать,
к чьей мнй притягивался бороться, когда он станет моим
супругом и повелителем.

Супругом — да, но «повелителем» — ни я никак не су-
щ. А я выдала, что это красавец и богач излюблен-
женной, что он считался сест. Irresistible, что и в
увлекательных свих он остается охотником за особия
железного пола. Одины можно обладать без всякого узи,
а други — кусаются» и назло, для обладания ним, выдать
на себя брачная верига.

И я довела его до того, что он стал проходить в
такое состояние, когда мужина с температурой — даже
и менее увлекательный — готов на всякой безумный шаг.

А тут никакого безумия не было. Он выключал в
красивую девушку из пышного общества, и его самовлюб-
популярно, вероятно, первый такой отпор.

Ему надо было заслужить мою руку. Это было все-таки
легче, чьей покорить сердце. Но самовлюбленность поби-
дителя женских сердец подсказывала ему уверенность в
том, что он не может не нравиться мнй, что, быть мо-
жет, я уже забывала в него, «как кошку», но выдер-
живала характер. И звать «характер» он наделся по-
редать по-своему, послать того, как мнй с ним постоянно
переходя знакомство на арший атака.

Но этого ему не удалось до самого конца его брачной
жизни.

Игра продолжалась до смерти мужа. Моему грусти и уло-
влю совета за эту игру, а потом круты мужень, среди кото-
рых она опять находила, позволяющая себе любовь лнвда,
«повелительница». Так до вострпн «с ним», который перевер-
нулся все психологическую игру. Она сама брошена ему в
обычье, утрату любви, давая мнй в Монте-Карло...

До тех пор же, пока я, покая в Монте-Карло, никогда не
увлекалась прей и всегда любила повторять, что у меня
неть интересной жизни. Не зная в усновлении.

Но эта жена оказалась у него, и в сильнейшей сте-
пени. От него контакт перешел к на меня.

Я вступила, переживая то, что он испытывал, как
страстный игрок. Ни один мужень не дрогнет,
даже при самом крупном проигрыше. Она только немного
блуждала и дала еще красивее. Для меня было на-
саждением — впасть в газави в его глаза, за столом
рулетки на trente et quante.

Играет он сымо, умно, оригинально, но несистемно.
Я предостерегаю ему играть понавал. Когда мы похвали-
аск доверием роками вострпн он и был очень религиозен —
подсчитывая, сколько каждый из нас раскошелся.

Когда я ему в первый раз тут же заявила, что это
лнвде, что между нами не может быть никаких счетов,
он замялся серьезным тоном:

— Как же иначе? С какой же стати буду я играть
роу красави-мужень?

Может, он и подоразрывает, что про него так говорить.

Наша совместная игра латнула нас так, что через эту банкомат отпустила я. Свои деньги он всё проиграл. Я вытаскала из России сумку, какой могло бы хватить на целый год разбавов по Европе... но без игры.

Но я ни одной минуты не подумала, что вот теперь она живёт на мой счёт—до такой степени я не отдала себя от него. И меня восхищало, что он так просто к этому отнеслся.

Подхал он не на мой счёт. Играли мы вместе. Развёл не все равно—чи деньги пошли на ставку, постав того, как он всё проиграл?

Я была ещё счастливой и по-детски радовалась тому, что отнял у нас не будет даже намека на какие бы то ни было счёт.

... И как кончась этот медовый мёсьиш?

Боже мой!

Въ этомъ самомъ верпелъ всемирной азартной игры, женского тпесания и женской прожливости я испытала нечто такое, чего я не могла бы представить себя и по сил.

Я? Повелительница! Теперь мнѣ это кажется каинь-то кошмарный сонъ: являюсь; а възд это было, было... и я не только на своей душѣ, но на своихъ тѣлахъ перечувствовала мой порокъ.

Онъ измѣнилъ ей съ какой-то кокеткой, быть ее за секунду ревности, она на колѣнахъ, въ слезахъ, просить только не бросить ее... Она оказывается женатымъ, требуетъ за разводъ съ женой сто тысячъ.

Не знаю! Ничего не знаю! Но я еще въ контактъ худши, которое напоило меня шарующимъ напитокомъ...

Такъ кончались повѣсть Боборыкина; въ ней нѣтъ войны, уже этимъ она хороша...

В. Г. КАРАТЫГИНЪ. *Скрябиа*. Издание Н. И. Бутковской. Творчество Скрябина, возбуждающее къ себѣ столь острый

интересъ, еще не разъ будетъ привлекать вниманіе музыкальных исследователей! Но врядъ ли возможно появленіе книги, проникнутой болѣе страннымъ увлеченіемъ музыкой. Прометея и „Экстаза“, чѣмъ очеркъ Каратыгина. Глубина его музыкальнаго анализа неизмерима.

Въ книгѣ есть оригинальная черта.

Каратыгинъ не только ученый музыкантъ, но и весьма образованный естествоиспытатель. Поэтому текстъ нестрѣтъ всевозможными научными терминами, заимствованными изъ области физико-химической лабораторій или курса ботаники.

„Я выше сказалъ, что мелодія и гармонія Скрябина не выходятъ изъ предѣловъ общепринятыхъ условій музыкальнаго творчества. Это вѣрно, но не совсѣмъ точно. Представьте ботаника, который изъ всего растительнаго царства интересуется и любитъ только кактусами, или однимъ, дабы опять таки кактусообразными видами другихъ семействъ показывать свою ориентировку. Можно ли такому коллекционеру отказать въ „нормальности“ его флористическихъ вкусовъ? Възд онъ не занимается тератологическими формами, но лишь тѣми, которыхъ нормально мѣстна въ составъ заселеннаго покрыва земного шара. Если ли, однако, можно отрицать, что, цѣлѣ тяжести ботаническихъ симпатій такого любителя не совпадаютъ съ центромъ гравитационныхъ тенденцій природы, которая больше всего возмужаетъ производить на свѣтѣ широкостѣпныхъ разнообразно дифференцированныхъ растений, дающихъ имъ возможность выжить изъ нѣтъ попятію и срединѣ, нормальнаго растительнаго тѣла. весьма удивительно, что кактусовыхъ типическихъ крайностей. Скрябинъ — именно такой музыкальный „кактусофилъ“.

Можно рекомендовать эту книгу и всѣмъю любителямъ, интересующимся новыми теченіями въ музыкѣ. Пусть кое-что останется и непонятнымъ для такого читателя, ибо выводы автора основаны на точномъ музыкальномъ разборѣ произведеній Скрябина, но представленіе о ростѣ идей и настроеній, возмущеніи композитора, получатся опредѣленнымъ и яркимъ. *Музыкалиста.*

Кромѣ книги Каратыгина вышло въ свѣтъ также небольшое учебно-методическое сочиненіе А. Н. Скрябина въ его творчество. Москва 1933.

До насъ дошли свидѣнія, что разныя лица отъ имени „Ст. и Ус.“ обращаются съ просьбами дать фотографіи для помѣщенія въ журналѣ, а къ намъ эти фотографіи не попадаютъ. Былъ даже случай, что какой-то господинъ получалъ деньги за помѣщеніе въ „Ст. и Ус.“ снимка диларіи.

На получение снимковъ нами никто не упововалъ, а на плату снимки въ журналѣ не печатаются (кроме объявленій) и редакція покорно проситъ прислать снимки, портреты и другой матеріалъ для журнала непосредственно въ редакцію (Каменинъ стр. 31) или въ контору (Невскій 28).

КАБАРЭ „ВЕСЕЛЫЙ КРОКОДИЛЪ“.

СКАЗКА О ТРЕХЪ НАБОБАХЪ.

Гдѣ-то, давно, другъ отъ друга особо,
Жили, да были три старухъ Набоба...
Вѣрили твердо они, съ давнихъ поръ,
Что, молъ, спина—это пыльный коверъ!..
Но, какъ-то разъ, ихъ раскаянье взяло..
И порѣшили они, для начала,
Такъ управлять, чтобы отнынь—впередъ—
Въ маслѣ катались ихъ добрый народъ...
Съ этою цѣлью сошлись на совѣтъ—
Первый, второй и задумчивый третій...
И, опираясь десницею въ лобъ,
Молвила восторженно первая Набоба:
— „Всею душой устремляясь къ народу,
„Я—упреждаю плохую погоду—
„Зонтикъ огромный воткну въ небосводъ,
„Чтобъ не чихалъ мой любовный народъ!..
Было торжественно слово второго:
— „Я-же готовъ для народа родного
„Соорудить грандіознѣйшій мостъ
„Въ царство далекихъ загадочныхъ звѣздъ!..
И, умиленные, каждый особо,—
Слушали третью оба Набоба:
— „Я-же, для блага отчизны родной,—
„Просто, возьму и—уйду на покой!“

СТРАННЫЙ ВОПРОСЪ.

У моей знакомой Сони
Есть Тальони
Въ медальонѣ
На груди!..
Ну, а рядомъ съ той Тальони,
Въ томъ-же самомъ медальонѣ
На груди,
У милой Сони,
Ту Тальони заслоня,
Помѣщенъ недавно—я!..
— Почему?
— Потому!

ДВА НЕГРИТЕНКА.

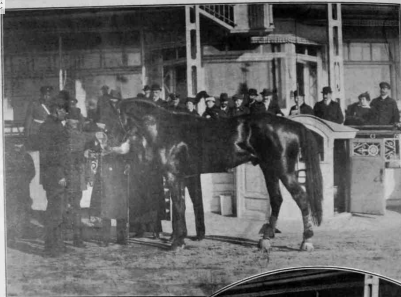
Два курчавыхъ негретенка,
Словно выпили скипидару,
Мчатся вихремъ въпереконки
И орутъ на всю Сахару!..
И куда они спѣшатъ,
И о чемъ они галдятъ,
И чего они орутъ,
И зачѣмъ они орутъ?..
— Чортъ ихъ знаетъ!

Н. А.

Редактор-издатель Вл. Крыжонч.

A black and white photograph of a dark horse standing in a paddock, being attended to by several people in period clothing. The background shows a large, multi-story building, likely a racetrack or stable complex.

31

„Тальон“—вор. жер., род. 1909 г., влад. Н. В. Тезегин, собственного завоза, отъ Гей-Бонгена и Тайны. Победитель „Интернационального“ приза 25 сентября 1915 года, при рывости 3 в.—4 33%. По 1-е ноября 1915 г. выиграл 154.662 руб.

СПОРТ И КОННОЗАВОДСТВО.

День розыгрыша „Интернационального приза“, 26-го сентября 1915 г.

Фот. Императорского
Ветеринарного
Общества.

День розыгрыша приза „Въ память 200-лѣтя юбилея гор. Петрограда“, 4-го октября 1915 г.

